

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ АГРЕССИИ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СМИ

У статті розглядаються форми вираження вербальної агресії у мас-медійних текстах соціально-політичної спрямованості: з'ясовується поняття вербальної агресії; аналізуються лексичні засоби агресивної мовленнєвої поведінки.

Ключові слова: мова ЗМІ, соціально-політичний дискурс, вербальна агресія, інвективи, метафора, перифраза.

The article dwells upon the forms of manifestation of verbal aggression in massmedia texts of political direction: lexical means of aggressive speech behaviour are analyzed.

Key words: political discourse, speech aggression, pragmatic function, metaphor, periphrasis.

Современный человек не мыслит своё существование без информации, которая помогает ему ориентироваться в жизни. Каналом получения информации являются печатные СМИ. Однако, информация, полученная адресатом, может быть не только конструктивной, но и способной влиять деструктивно на сознание, подсознание и, в итоге, на поведение людей. Чтобы привлечь как можно больше читателей, заинтересовать своим изданием, журналисты используют любые средства и часто, в погоне за читателем, выбирают агрессивную речевую стратегию.

Исследователи говорят о двух вариантах проявления речевой агрессии в текстах — прямой и не прямой [см.: 1]. Прямая: автор эксплицитно призывает адресата к агрессивным действиям. В случае не прямой речевой агрессии автор особой подачей предмета речи, выражением негативного отношения вызывает или поддерживает агрессивное состояние адресата. Цель настоящей статьи — проана-

лизировать формы реализации и лексические средства выражения речевой агрессии в текстах СМИ социально-политического содержания.

В толковом словаре слово “агрессия” определяется как вооруженное нападение одного или нескольких государств на другие страны с целью захвата их территорий и насильственного подчинения своей власти [2: 16]. Прилагательное “агрессивный” в переносном значении означает “враждебный, воинственно-угрожающий”, напр. тон, поведение [там же]. Соответственно можно предположить, что речевая агрессия — это сфера речевого поведения, которая мотивирована агрессивным состоянием говорящего, а средством выражения, инструментом такой агрессии является слово.

Изучению речевой агрессии посвящено немало филологических, педагогических и психологических работ (А. В. Поселенова, Е.Н. Басовская, К. Ф. Седов, А. П. Сковородников, Н. Е. Петрова, Л. В. Рацибурская и др.). Тем не менее, единого научного подхода к определению речевой агрессии не существует, также отсутствуют критерии различия между речевой агрессией и речевым манипулированием. Отсюда неоднозначность в определении и самого термина “речевая агрессия”.

Так, одни исследователи (К. Ф. Седов, Е.Н. Басовская) предлагают узкое и широкое понимание термина [3: 257; 4: 200]. При узком понимании в качестве агрессивного рассматривается речевой акт, замещающий агрессивное физическое действие: оскорбление (в том числе грубая ругань), насмешка, угроза, враждебное замечание, злопожелание, категорическое требование без этикетных норм и т. д. Широкая интерпретация — это все виды наступательного доминирующего речевого поведения. Другие ученые (Е. В. Власова, А.П. Сковородников) рассматривают речевую агрессию как способ намеренного воздействия на прямого или косвенного адресата с целью его дискредитации, оскорбления (унижения чести и достоинства), который (способ) осуществляется использованием инвектив, грубого просторечия и жаргона, наклеивания ярлыков и других пейоративных средств [5: 9; 6: 35]. Агрессивное речевое поведение, по мнению А. Поселеновой, базируется на прямом, открытом экспрессивном репрезентативном или директивном речеактовом воздействии на адресата речи [7: 52]. И.Е. Петрова, Л. В. Рацибурская предлагают под речевой агрессией понимать “выражение средствами языка негативного эмоционально-оценочного жесткого отношения к кому-, чему-

либо, зачастую нарушающее представление об этической и эстетической норме, а также перенасыщение текста словесно выраженной негативной информацией, вызывающее у адресата тягостное впечатление” [8: 77]. Из приведенных определений следует, что все исследователи в речевой агрессии видят преднамеренную нацеленность адресанта на дискредитацию, оскорбление, унижение адресата или третьего лица вербальными средствами.

Общественным сознанием вербальная агрессия оценивается как менее опасная и разрушительная, чем агрессия физическая, однако она формирует у массового читателя агрессивный подход к действительности, оказывает деструктивное воздействие как на того, против кого направлена, так и на того, кто является потребителем подобных материалов. Большинство психологов обращают внимание на тот факт, что при прочтении негативных текстов агрессивность повышается: у читателей наблюдается падение настроения, повышение раздражительности, нервозность, причём этот эффект достаточно устойчив.

Если у отдельного человека речевая агрессия часто возникает спонтанно, то, что касается текстов СМИ, тут вербальная агрессия проявляется не под влиянием эмоций, а продуманно. Именно в социально-политических текстах происходит открытое или скрытое вербальное воздействие на адресата с целью изменить его идеологические, ментальные и оценочные установки. Поэтому наше внимание и обращено на газетные тексты политической и социальной направленности как формирующие общественное мнение и влияющие на общественное поведение.

А. П. Чудинов, исследуя политическую коммуникацию в целом, утверждает, что любую политическую деятельность отличает постоянная диалектика агрессивности и толерантности [9: 65]. В политических текстах вербальная агрессия проявляет себя как эксплицитно выраженная оппозиционность говорящего к собеседнику. В современных газетных текстах речевая агрессия оказывается модным и чуть ли не универсальным риторическим средством. Представители СМИ намеренно избирают тактику сгущения красок и обострения противоречий, в результате чего вербальная картина намеренно гиперболизирует реально существующие проблемы. На этот эффект рассчитаны в первую очередь заголовки. Например, в газете “2000”: *Еврограбёж; Жертвы голодомора из Арканзаса; Оружейные перспективы Украины (№ 11, 09); Угроза, ставшая реальностью; На газовом*

фронте без перемен; Победителей нет, побежденные — граждане Украины (№ 1, 09); Массированная атака на профсоюзы; Россия — враг для неудачников; Капитуляция без компенсаций (№ 38, 09); в еженедельнике “Корреспондент” (далее — Кор.): Смертельный номер; Маркетинговые войны; Все на фронт; Взрывные пакеты; По тылам противника (№ 12, 09); Технологии информационной войны: В информационный бой на танки противника Украина посылает каменных баб и глиняные горшки (№ 14, 09); Капитуляция банков; Мозговой штурм, “Регионалы” уверенно идут к поражению (№ 13, 09); в газете “Коммунист” (далее — К.): Эхо взрывов на святой земле (№ 2, 09); Во всеоружии; Фашизация общества (№ 37, 09); Обыкновенный фашизм; Нет — информационным убийцам! (№ 88, 08); Бесцеремонный агрессор; И вечный бой, покой нам только снится (№ 89, 08).

Как следствие, многократно повторяемая тактика речевой агрессии в одних и тех же СМИ формирует определенную вербальную (а шире — ментальную) среду. Постоянный читатель привыкает видеть мир разделенным на “своих и чужих”.

Исследователи указывают на многочисленные способы проявления вербального давления: немотивированное использование иноязычной лексики, экспансия жаргонизмов, употребление инвектив, обценной лексики, языковая демагогия, излишняя метафоризация, навешивание ярлыков и т. п. [8: 77]. Мы остановимся только на некоторых лексических средствах проявления речевой агрессии в политических текстах русскоязычной прессы Украины. Сюда относятся:

1. Вся лексика, связанная с понятием “война”: война, фронт, противники, мобилизация, оружие, враги, оккупанты, наступление, бой, ранение и т. д.

...Я считаю, что немецкие нацисты, как и московские большевики, как и представители польской Армии Краевой, были оккупантами нашей страны; продукт информационной войны, которую ведет Россия” (“Коммунист” (далее — К.), № 14, 09); Когда любая система чувствует внешнюю угрозу, она мгновенно забывает о своих внутренних противоречиях и мобилизуется для того, чтобы дать отпор врагу (“Украинская правда” (далее — УП), 20.05.09); Ю.В. бросила на защиту все свои белосердечные рати. Бои пошли нешуточные. Ни шагу назад (2000, № 27, 08).

2. Использование лексем, семантически связанных в общественном сознании с агрессивными действиями, например: жертва, звер-

ски, убийство, насильник, маньяк, избивать, истязать, боль, страх, труп, нож, кровь: *Новые жертвы оранжевой революции; В нынешних войнах Ющенко — политический труп* (2000, № 48, 09); ... каждый день наблюдаем **изнасилование** истории; в ближайшее годы в стране будет разгул тоталитарных методов управления, **зачистки и убийства** не-угодных... (2000, № 37, 09).

3. Прямые призывы к физической агрессии: *Ответь оккУПАнтам, Донецк!* (К., № 83, 08); *Пора объединяться и брать власть в свои руки!*; *Затулина убить* и затулкой закрыть (2000, № 25, 09); *Народ, будь готов выплеснуться на улицы и смести жадных и бездарных правителей!* (К., № 105, 08); *Киевляне! В годовщину Октября ответим мощным протестом* на попытки нагло попрасть наши права. Киевский горком компартии Украины приглашает всех, **готовых к борьбе**, на демонстрацию и митинг 7 ноября (К., № 89, 08); *Люди, опомнитесь! Восстаньте народом!* (2000, № 4, 09).

4. Метафорическое описание политических действий. В основе метафоризации война, преступный мир и все, связанное с этими понятиями, стихийные процессы и мир животных: *Как только броневик Левого блока выедет из ангара, по нему откроют огонь* “регионалы” (2000, № 40, 09); *Жертвоприношение Крысы Тигру*. Подзаголовок: *новости зверских технологий* (о смене политической элиты — Т.С.) (2000, № 37, 09); *Пир стервятников* (об МВФ); *перегрызть* долларový поводок (2000, № 48, 08); *хищник* со знакомой косой (2000, № 37, 09); *Свинская контрэлита* (оппозиционные партии — Т.С.), свергнувшая одиозного фермера-эксплуататора, очень быстро разместилась на хозяйских кроватях, облачилась в хозяйскую одежду и стала попивать хозяйский алкоголь, наслаждаясь ранее недоступными благами цивилизации...(УП, 22. 05.09); *Наши политики, эти жирные коты*, врут, оправдываются, “сдают” друг друга, торгуют друг другом оптом и в розницу, **валят и топят** при случае, обещают и снова врут (2000, № 47, 08).

Сюда же можно отнести и трансформированные фразеологизмы: *Количество фанатов-юльков за 2 года премьерства Ю. В. снизилось на порядок*. Но тем не менее **списывать** Тимошенко **в тираж** и **праздновать победу** над ней явно преждевременно; ...президента Ющенко, который готов поддержать хоть “**черта в ступе**”, лишь бы не увидеть триумфа своей **заклятой соратницы по майдану!** (2000, № 50, 09); *С электората по нитке, Юле — платье президента* (К., № 88, 08).

5. Использование инвектив (брани, оскорблений) вызывает безразличность у читателя, ведет к расшатыванию представлений о “при-

личном”: нам предлагают **помаранчевый лохотрон**, бездарные **экс-майдауны**, майданные **стояльцы** (К., № 88, 08); **кремлядь** Тимошенко (УП, 18.08.09); чиновники занимаются **хренотенью**; сколько терпеть этот **политический идиотизм**? в объятиях **маразма** (К., № 51, 08.); Жужжат эти **жидобои**, как жуки, но никто их не слышит (об ультраправых — Т.С.) (2000, № 47, 08).

Проявлением особой агрессивности следует признать многочисленные употребления жаргонных слов, эвфемизмов: **наступил полный стабилизец, кризец** затянулся, **оранжевая отключка**.

6. Возбуждение тревожности, неуверенности, ощущения безысходности, страха перед будущим. Заголовки: **Украину готовят на съедение** (о ценах на нефть и газ), долларовые **удавки** на шее украинцев, **дорога в никуда**, Украина — **второгодница** (2000, № 50, 08); Курс на Гондурас; Кабмин **набрасывает** на миллионы граждан ценовую **удавку** (Кор., № 89, 10); ... наши правители поставили Украину **одной ногой в могилу**; В Украине есть все — **не хватает только мозгов**; Д. Выдрин о стране **“победившего Шарикова”** (о политической ситуации в Украине — Т.С.) (2000, № 39, 09); Нас **ПРИБЮТ**, но попозже (2000, № 25, 09).

7. Формирование образа врага путем противопоставления “мы-они”: Мы — **страдающий, обманутый, обворованный украинский народ**. Они — **владельцы заводов, газет, пароходов**, “**Надра Банка**”, **коттеджей в Конча-Заспе** и **телевизионного наемника Савика Шустера**. Они **погрязли в коррупции и кумовстве**. Мы едва сводим концы с концами (УП, 23.09.09).

8. Лексические маркеры ничтожности, умаление способности оппонента к профессиональной или любой другой деятельности: **Так называемый “Оранжевый мессия”** просил **шефов (американцев)** о помощи, и они ему ее **предоставили в виде отмашки** на углубление кризиса; **мальчик в коротких штанишках** (о А. Яценюке) (Кор., № 40, 08); **представители так называемой “оппозиции”** не выйдут с народом на одну сторону баррикад; **стоит ли олигархам-спонсорам связываться с “молодняком”** (УП, 20.05.09).

8. Выражение в грубой, иронической двусмысленной форме негативной оценки политических фигур и институтов, политических оппонентов и т. д.: **“Киндер-сюрприз”** (о А. Яценюке), как **“нашисты”** народ обманывают, **регионалы обливаются крокодиловыми слезами**, **“арсенизация” власти** (2000, № 47, 08); **бездарность и бездействие оранжистов**; **продажные коммунисты**; **“юлианцы”**; **крупнобуржуазные демократы** (Кор., № 40, 08); **малообразованные бело-голубые**; **дать**

оценку поступкам нашего гаранта (*попранта, игноранта*) в свете ч. 3 ст. 109 УК (2000, № 08).

Сюда же можно отнести и парафразы типа: *учитель олигархов, няня президента, Фрекен Бок Виктора Ющенко и просто бюрократ* (В. Ульяновченко); *временщики* (депутаты), *антироссийские выпендривания телевизионных “варягов”* (Е. Киселев, С. Шустер); *сердечная дама, дама сердца, отступница, дама с косой, женщина с косой, дочь днепропетровских окраин* (Ю. Тимошенко); *отечественный терминатор* (Ю. Луценко); *ценитель черепков и рушников, сельский бухгалтер, провинциальный счетовод* (В. Ющенко); *енакиевский паренёк, начинавший с меховых шапок* (В. Янукович). Навешивание ярлыков на политических оппонентов и оппонирующих политических партий: *националист № 1; свободный радикал* (о О. Тягнибоке), *доморощенный демократ* (о В. Ющенко) и т. п.

Обзор этой проблемы не является исчерпывающим, но дает представление о ситуации в целом в языке современных СМИ и тех тенденциях, которые проявились в газетной публицистике за последние десятилетия после распада СССР.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Агрессия в языке и речи : сб. науч. ст. / Ред. Шаронова М. Л. — М. : РГГУ, 2004. — 288 с.
2. Словарь иностранных слов. — 14-е изд., испр. — М. : Русск. язык, 1987. — 608 с.
3. Басовская Е. Н. Творцы черно-белой реальности: о вербальной агрессии в средствах массовой информации / Е. Н. Басовская // Критика и семиотика. — 2004. — Вып. 7. — С. 257–263.
4. Седов К. Ф. Речевая агрессия в межличностном взаимодействии / К. Ф. Седов // Прямая и непрямая коммуникация. — Саратов : Изд-во ГУНЦ “Колледж”, 2003. — С. 196–212.
5. Власова Е. В. Речевая агрессия в печатных СМИ : дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.19. / Е. В. Власова. — Саратов, 2005. — 219 с.
6. Сковородников А. П. Языковое насилие в современной российской прессе / А. П. Сковородников // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Научно-методический бюллетень. — Красноярск-Ачинск : Илиада, 1997. — В. 2. — С. 35–41.
7. Поселенова А. В. Агрессивное речевое поведение в диалогическом дискурсе произведений А. Н. Островского / А. В. Поселенова // Русский язык за рубежом. — 2008. — № 5. — С. 52–59.
8. Петрова И. Е. Формы проявления речевой агрессии в газетном тексте / И. Е. Петрова, Л. В. Рацибурская // Русский язык в школе. — 2006. — № 1. — С. 76–80.
9. Чудинов А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов — М. : Флинта, 2006. — 181 с.